

**Читайте в серии
«Злые легенды»:**

Грегори Магуайр

Злая: Сказка о ведьме Запада

Злая: Детство

Лидия Грегovich

Из рода монстров

Ава Райд

Можжевельник и шип

Ава Райд

МОЖЖЕВЕЛЬНИК
И ШИП

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

P18

JUNIPER & THORN

Copyright © 2022 by Ava Reid.

All rights reserved.

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic,
Inc. and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского языка *Екатерины Згурской*

Иллюстрация на обложке *Вереск*

Райд, Ава.

P18 Можжевельник и шип / Ава Райд ; [перевод
с английского Е. Згурской]. — Москва : Эксмо,
2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-234229-5

Марленикен и ее сестры — последние настоящие ведьмы в стремительно меняющейся Обле, где магия уступает место прогрессу. Для горожан они не более чем диковинка, отголоски красивой сказки, написанной выцветающими чернилами.

Сестры не могут выбирать свою судьбу, ведь их жизни подчинены воле жестокого отца. Дни Марленикен серы, однообразны и полны служения. Лишь однажды она решается улизнуть из дома в театр балета. А там, на сцене, встречает человека, который впервые видит в ней не инструмент, а простую девушку.

Но пока в юных сердцах разгорается пламя страсти, в Обле пробуждается нечто древнее и жуткое. И сказка, в которую Марленикен так хочет верить, может обернуться кошмаром — если она не найдет в себе силы изменить финал.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Е. Згурская, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-234229-5

Посвящается Дорит

Предупреждение

Книга обращается к темам, которые могут быть
тяжелыми для восприятия:

- эмоциональное, вербальное и физическое насилие;
 - убийства, кровавые сцены и боди-хоррор;
 - каннибализм;
 - сексуализированное насилие
(в том числе с элементами боли и крови);
- искаженные и абьюзивные семейные отношения;
- контроль, зависимость и психологическое давление;
 - расстройство пищевого поведения;
 - употребление алкоголя.

Глава 1

Я заглянула под кровать, но чудовища там не было. Оно исчезло еще утром, когда заря багряной рукой загнала его обратно в привычное убежище — укромный уголок в саду Зорьки. Там оно свернулось клубком и обвило шипастым хвостом ствол можжевельного дерева. Теперь так и будет лежать кверху брюхом и шипеть, пока или я, или кто-то из сестер не принесет ему куриных косточек или не почешет за ушком. Из всех тварей, обитавших в нашем доме, эта была самой нетребовательной.

К вечеру сад затих, замер, лишь кружились светлячки, озаряя его ярким светом, да тихо шелестели на ветерке ивовые ветви. Из окна спальни я могла разглядеть все его изумрудное великолепие — крепкие, пышные кусты живой изгороди, плющ, густой сетью оплетававший проржавевшие ворота... Любой житель Обли, проходивший мимо нашего дома, чувствовал, как зеленые усики хватают его за лодыжки, слышал шепотки папоротников, доносящиеся из-за ограды. Таким же тихим шепотом прохожие пересказывали друг другу слухи о Змие Ващенко и его трех странных дочерях.

Когда я была помладше, их злые слова вгоняли меня в слезы. Но к двадцати трем годам я научилась не слышать их — а иногда, наоборот, внимательно выслушивать с каким-то извращенным покорным согласием, поглубже пряча застарелую обиду. В конце концов, чем злее слухи — тем больше денег они приносят. Слухи приносили к нашему порогу клиентов, как кот — искалеченную мышь к хозяйским ногам. И чем страшнее, чем отвратительнее они звучали, тем больше клиенты таращились на моих сестер так, будто их красота была бархатным ковриком, прикрывавшим дыру, из которой вот-вот что-то выскочит.

Мои сестры были красивы сами по себе, без всяких ухищрений и украшательств — это уже было мое проклятие, на самом деле, а не отцовское. Батюшка наш был обречен ни в чем не знать удовлетворения, так что для него мои сестры были красивы, но все же *недостаточно* красивы. Этим проклятием его одарила Тетка Вийка, последняя настоящая ведьма Обли. Батюшка сделал все, что было в его силах, чтобы лишить Тетку дохода и самому стать единственным чародеем в городе, а она отплатила ему так, как могла отплатить только ведьма. Конечно, к тому времени он уже и впрямь остался единственным настоящим чародеем во всем городе — вот только удовлетворения это ему не принесло.

Часы пробили девять. Я накрыла покрывалом несколько подушек-валиков и мешок осенних листьев, чтобы со стороны казалось, будто это я лежу в постели. Зорька срезала пучок сухих пшеничных стеблей — слишком бледных и прямых, ничуть не

ГЛАВА 1

похожих на мои буйно выющиеся волосы. Но когда — если — батюшка проснется и в полусне потащится мимо моей комнаты, он, вероятно, не будет присматриваться настолько внимательно, чтобы заметить разницу. Проклятие неудовлетворенности приводило к тому, что даже после долгих часов сна он все равно просыпался уставшим.

Небо за окном постепенно темнело, как будто к бледной глотке Обли тянулось обсидиановое лезвие. Снаружи слышались шаги, тихие, торопливые, скрипнул деревянный порожек. Я обернулась — в дверях стояла моя сестра Ундина.

— Марленикен, милая, если гребень так и не коснется твоих волос, любой сразу узнает в нас ведьм.

Мои щеки сразу вспыхнули. Я отошла от кровати и пристроилась возле будуара, скептически разглядывая собственное отражение. На землистых щеках алели два ярких пятна, а густая копна кудряшек ниспадала на плечи, как теплый плед.

— Не представляю, что делать, — сказала я. — Они слишком длинные.

У нас всех были длинные волосы — пожалуй, даже слишком длинные с точки зрения нынешней моды. Облинские женщины делали себе локоны, больше напоминавшие самокрутки. Но батюшка не позволял нам состригать ни дюйма. По его словам, клиентам нравилась эта очаровательная нотка селянства — наши нестриженные косы напоминали о временах давних и простых. В их глазах мы были эдакими хорошенькими доярками, распеваящими песенки, будто сошедшими с тех выпцветших пасторалей, которыми обклеи-

вали стены богатеи. Я, правда, нежным голоском не обладала, зато улыбаться могла очень убедительно.

— Зорька! — негромко позвала Ундина. — Иди сюда скорее, нужна твоя помощь.

Моя вторая сестра проскользнула через порог, шурша кринолином; ее обнаженные плечи казались острыми, как кухонные ножи. Она взглянула на мои волосы, затем на Ундину, сердито наморщившую нос, и вздохнула. Костяной гребень нашей матери лежал на комод. Между зубчиков торчал клоч моих русых волос.

Зорька, как и полагается средней сестре, была помягче. Так что она со вздохом принялась за мои кудри. Последний раз меня так расчесывала матушка — да и то много лет назад.

Зорьке удалось закрепить мои волосы лентой в некой гротескной пародии на те прически, что носили облинские женщины. Шелковая розовая ленточка подходила к моему платью — цвета мятой клюквы, с декольте настолько открытым, что я то и дело краснела. Впрочем, это не особо портило картину — в окружении красавиц-сестер я превращалась не более чем в предмет мебели вроде затейливого канделябра.

Часы пробили десять, и мы вышли из дома.

Под подошвами чавкала сырая земля сада. Держась за руки, мы миновали гадальную чашу с водой, блестящую, как отполированная монета, пробрались сквозь заросли чертополоха, качавшего пурпурными бутонами, аккуратно обошли тонкую сеть, сплетенную Зорькой из бабьего ума и девичьей травы. Цветущая груша предупредила нас об

ГЛАВА 1

опасности, осыпав белыми лепестками, но все чудовища либо попрыгали, либо уже уснули.

Мы все равно старались не шуметь, чтобы не разбудить их — или, что еще хуже, нашего батюшку. Бунтовать против его воли по чуть-чуть мы себе уже позволяли раньше — по крайней мере, Зорька и Ундина, — но еще ни разу не решались на что-то столь масштабное, недозволительное и неправильное. Сегодняшняя авантюра напоминала книгу, из которой вырвали все страницы, — я понятия не имела, с чего все начнется, чем обернется и чем закончится.

Мысль о том, что батюшка нас увидит, заставляла меня холодеть от ужаса, а родной сад начинал казаться странным и страшным.

Чужакам он всегда казался таким даже при свете дня: они-то не привыкли к нему так, как мы. Здесь росли стеклянные яблоки, сладкие на вкус, заставлявшие кровь приливать к лицу — у тех, кто находил в себе силы прожевать жесткие, острые куски; сливы, черные на первый взгляд и желтые на просвет, мягкие, как опухший синяк, налитые смертельным ядом. Батюшка скармливал нам по кусочку этих слив с малолетства, возвращая невосприимчивость к отраве, так что сейчас мы могли их есть, ощущая лишь гнилостную горечь, но не яд, таящийся в соке.

Но даже нам он строго-настрого запрещал трогать можжевельное дерево, на котором росли ягоды самой опасной породы — одновременно ядовитые и сладкие. Какой бы недуг они ни вызывали, к нему нельзя было приспособиться.

За двадцать три года своей жизни я повидала в этом саду множество других жильцов и постепен-

но привыкла считать их *нашими*. Наш огненный змей не отличался от обычной змеи до тех пор, пока не вылезал на солнце — тогда его черная чешуя начинала переливаться желтовато-красным. Он говорил человеческим языком, не шевеля пастью; его голос проникал в голову так, будто это ты сам мысленно произносил каждое слово. Змей обещал шелковые платочки, фарфоровые бусики, и, если согласиться, все подарки тут же возникали в руках словно из ниоткуда. В обмен змей просил накормить его молоком из груди — но, даже если расплатиться, и платки, и бусы поутру обращались в сено и козьи катышки. Не знаю уж, что будет, если попросить что-то подороже и почему кормление змея грудью считалось чем-то ужасным. Я не раз видела, как он ползает по нашему саду черной струйкой нефти, оставляя на земле бледные отмершие чешуйки.

А еще здесь жил наш гоблин — бедолага лишился дома после того, как родинянские беженцы осушили топи вокруг Обли. Его единственный глаз сиял, как фонарь в ночи, а борода была такой же длинной и белой, как лишайник, выросший на бревне. В благодарность за предоставленный кров гоблин стал нашим самым преданным защитником и постоянно норовил укусить за лодыжку очередного посетителя, пока тот шел к дому. После того как сумма компенсаций за эти поползновения достигла ста рублей, а жалобы на них долетели до ушей городского державного инспектора, батюшка стал накрепко запирает гоблина в садовом сарае всякий раз, когда кто-то являлся в наш дом. В прошлый раз, когда я пришла, чтобы выпустить его, обнару-

ГЛАВА 1

жилось, что он успел прогрызть дыру в стене и теперь сидел с надутым лицом на грядке эстрагона.

Мы тщательно залатали дыру, по очереди следя за тем, чтобы батюшки не оказалось поблизости, а затем снова заперли гоблина в сарае. Ундина хотела еще и рот ему заткнуть, чтобы гоблин не разбудил батюшку рыданиями, но это показалось мне столь невыносимо жестоким, что я убедила сестру обойтись малой кровью. Так что сейчас, проходя мимо сарая, я услышала жалобное хныканье.

Из всех созданий, обитавших в нашем саду, меньше всего мне нравился Индрик — полуголый мужик с ногами то ли фавна, то ли козла. Он вечно стенал о нелегкой доле беженца: в свое время Индрик сбежал с родной горы, так как родинянские шахтеры начали добывать там серебро. Большую часть времени он уныло слонялся возле гадательной чаши Ундины, скорбно разглядывал собственное отражение и причитал, что когда-то был богом, которому поклонялась вся Обля. Ему оставляли подношения: зарезанных гусей, расписные яйца и самых хорошеньких овечек. При мысли о том, что Индрик делал с этими овечками, меня всякий раз передергивало — я помнила, как похотливо он таращился на нашу дойную корову, пока та не околела. Не знаю уж, был Индрик богом когда-нибудь или нет, но спорить с ним смысла не видела: он лишь начинал причитать еще горше.

Чтобы быть уверенными, что Индрик не поймает нас во время побега, Зорька подсунула ему сонное зелье. Я смутно разглядела его тушу под одной из груш — широкие плечи, похожие на валуны, и рельефную спину. Индрик похрапывал с тихим

